

Источники и литература

1. Кошкидько В. Г. Электоральные предпочтения основных социальных групп российского общества накануне выборов 2003 г. http://www.spa.msu.ru/e-journal/4/50_1.php.
2. Помренин К. /И. Сулькиса, и А. Каминского/ (Институт социального проектирования) Интернет и третий мир или Зачем юго-восточным варварам нужны северо-западные дикари? <http://www.prazdniki.ru/internet/9/>.
3. Криминального кодекса Украины Ч. 1–2 Ст. 22 (от 05.04.2001 № 2341–III, с изменениями, внесенными согласно Законом).
4. Семейного кодекса Украины Ч.2 Ст. 23 (от 10.01.2002 № 2947–III, с изменениями, внесенными согласно Законом).
5. Цивильного кодекса Украины Ч.2 Ст. 34 (от 16.01.2003 № 435–IV, с изменениями, внесенными согласно Законом).
6. Третья цивилизация. (Мостинская А.) <http://www.sciam.ru/2005/6/ochevidnoe.shtml>.

Горошко Е.И.**ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Феминистские организации бросили социологи вызов, который был, хотя и с опозданием, принят на уровне эмпирического исследования: сегодня работ, посвященных проблемам и мировоззрению женщин, имеется значительно больше, чем когда-либо ранее. Однако само по себе это не решает вопроса, как наилучшим образом анализировать гендер и его связь с традиционными подходами в социологии.

Гидденс

В последнее время как слово «гендер», так и его дериваты «гендерный», «гендерно» всё прочнее и прочнее укрепляются в массовом постсоветском сознании, а также в научном и публицистическом дискурсах. Г. Г. Слышкин, изучивший частотность употребления этого термина в текстах политических СМИ России и Украины с 1997 по 2004 год, установил, что частотность употребления слова "гендер" и его производных за указанный период увеличилась более чем в 30 раз. Ученый считает, что «...это очень много для такой лексемы, которая, во-первых, иностранного происхождения, то есть не имеет отчетливой внутренней формы, во-вторых, довольно странно звучит для русского языка по сочетанию гласных и согласных, третье, никак не выходит ни на область рекламы, ни на область повседневного знания» [21, с. 272]. Г. Г. Слышкин считает, что если в 1990–х годах слово "гендер" встречалось в СМИ в основном в академическом дискурсе в названиях конференций (например: "В Петербурге состоялась конференция «Гендер: язык, культура, коммуникация» или «конференция "Гендер в жизни общества"»), затем – в сообщениях о новых книгах, то теперь слово "гендер" стало употребляться внутри собственно авторского текста. Причем, если раньше в основном использовалось именно существительное "гендер", то сейчас массово стали использоваться его производные: *гендерный, гендерно, гендеролог*, а также *гендерно* маркированный, *гендерно* отмеченный, *гендерно* ориентированный и так далее» [21, с. 272].

За последние десять лет гендерная тематика постепенно становится весьма востребованной практически во всем спектре социальных наук (в том числе социологии), судя по количеству публикаций, исследовательских проектов, выделяемым объемам финансирования и прочему. Интенсивно внедряются в систему высшего и даже среднего образования основы гендерных знаний (в основном за счет западного финансирования), появляется также и достаточно большое количество учебников и учебных пособий, посвященных гендерной теории [5; 6; 22; 23; 25].

К основным, базовым теориям, которые приняты сегодня в гуманитарных и социальных науках, О. А. Воронина относит три подхода к рассмотрению гендера:

- теорию социального конструирования гендера;
- стратификационную теорию гендера;
- культурно-символическую теорию.

В рамках теории *социального конструирования гендера* полагают, что гендер создается, конструируется обществом как социальная модель мужественности и женственности, которая определяет их роль в обществе и его основных институтах. Данная теория исходит из двух положений:

во-первых, гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, СМИ и т. д.;

во-вторых, гендер производится и воспроизводится самими людьми – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятых обществом норм и ролей – и подстраивается под них на уровне действия.

В парадигмальных рамках этой теории активно используются такие термины, как «гендерная идентичность», переосмысленные по отношению к поло-ролевому подходу понятия «гендерная роль», «гендерный дисплей» и «гендерная дифференциация» [7].

И. С. Клецина также указывает, что «... гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться, она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия. Когда социаль-

ное производство гендера становится предметом исследования, то обычно рассматривают, как гендер конструируется через институты социализации, разделение труда, культуру..., а также через проблемы гендерной стратификации и неравенства» [16, с.72–73].

Понимание *гендера как стратификационной категории*, связанной с другими аналогичными категориями (*класс, раса, национальность, возраст*), исходит из того постулата, что гендер является *процессом*, посредством которого происходит социальная стратификация. Пол, раса, класс и возраст являются базовыми переменными, определяющими гендерную систему, под которой понимается набор механизмов, посредством которых общество преобразует биологический «материал» половой жизни и воспроизводства человека в конвенциональные формы социального взаимодействия [18]. В рамках этого подхода используется понятие «гендерной технологии», которое означает, что гендер – это дискурсивный продукт, который «создает» определенные половые идентичности через призму репрезентаций во всех идейно-значимых и ценностно-контролирующих сферах: религии, языке, образовании, воспитании, искусстве, СМИ и т. д. На основе рассмотрения гендера как стратификационной переменной уже в 90-х годах в социальных науках возникает концепция «интерсекциональности»¹ – нового парадигматического подхода, при котором классические модели социального подавления и угнетения анализируются на основе совокупности многих дифференцирующих факторов (расовой, гендерной, этнической, сексуальной, классовой принадлежности и прочее) [29].

Интерпретация гендера как культурной метафоры [8, с.102–104] основана на его культурно-символической интерпретации, которая закрепляется в культуре через символику мужского и женского начал. Упорядочение мира по признаку *мужское/женское* и половой символизм культуры, по мнению ученых, работающих в рамках данной гендерной модели, отражает и поддерживает существующую гендерную иерархию и сегрегацию.

Практически все остальные подходы и модели могут быть теоретически подведены под эти три базовые, зонтичные модели.

В целом в социальном и гуманитарном знании гендер не есть что-либо постоянное и стабильное, он не является неизменной и данной свыше конструкцией. Гендер – это, прежде всего, переплетение отношений и процессов [16, с. 106; 26].

Заметим, что среди обществоведческих дисциплин наиболее интенсивно гендерная проблематика осваивается в социологии [9 – 12; 19]. Здесь в результате адаптации макросоциальной теории к гендерной теме, а также под непосредственным влиянием женского движения, последовательно возникают три научных направления:

- Полоролевой подход, опирающийся на идеи либерального феминизма (Sex–Role Theory) 60–70-х годов XX века;
- Исследование женщин как отражение радикальных феминистских взглядов (Women’s Studies) в 70–80-е годы прошлого столетия;
- Гендерные исследования конца 80-х – начала 90-х годов XX века как научное направление, которое было институционализировано в связи с возникновением цветного феминизма и социально-конструктивистского и постструктуралистского подходов (Gender Studies) [7].

При этом в постсоветской социологии наиболее популярной является *теория социального конструирования гендера*, в дисциплинарных рамках которой обосновывается различие между биологическим полом и социальной категорией принадлежности к полу. «Гендер, рассматриваемый как работа общества по приписыванию пола, конструируется как отношение неравенства и дискриминации. При этом отношения между мужским и женским как социальными категориями могут изменяться. Деконструкция гендера представляет собой контекстуализацию представлений о мужском и женском с целью обнаружения в них отношений неравенства и гегемонии. Особое значение для контекстуализации имеют категории этничности и класса. При этом гендер, класс и этничность не существуют обособленно, а образуют синдром идентичности и контекста. Контекстуализация гендерных отношений предполагает вполне определенные теоретическую и *политическую позиции исследователя, ориентированного на преодоление социального неравенства*» (курсив мой Е. Г.) [11, с. 170]. Таким образом, в гендерной социологической теории на постсоветском пространстве также проступает явный идеологический подтекст.

Следует подчеркнуть, что хотя теория социального конструирования гендера позволила подойти к гендеру как процессу, показать его динамику, и в концептуальных рамках этой теории прекрасно демонстрируется, как происходит создание и воссоздание гендера, эта теория оказалась не в силах объяснить существование и воспроизводство гендерной асимметрии на институциональном и мета-социальном (социетальном) уровнях [22, с.105]. Отчасти эту «экспланетарную» ограниченность удалось уменьшить новой феминистской эпистемологии, непосредственно возникшей под влиянием идей цветного феминизма в конце прошлого века. Её представители выдвинули тезис о том, что любое знание позиционировано и предопределяется не только идеологией, но и уникальным жизненным опытом исследователя. В рамках феминистской эпистемологии возникает *теория местоположения* или же *позиционирования*, которая утверждает, что если исследователи будут постоянно придерживаться принятых в научном социуме объективистских этических норм, то женские способы понимания мира неизменно будут маргинальными. Чтобы избежать этой маргинализации, должна быть создана социология, которая, во-первых, не была бы ценностно-нейтральной, во-вторых, обладала более широ-

¹ Перевод данного термина является полным калькированием английского термина «intersectionality», что дословно обозначает *мультифакторность*, объединение нескольких факторов в одно целое. В русском языке и постсоветском академическом дискурсе переводного эквивалента этого понятия по настоящий момент всё ещё не существует.

ким охватом и вследствие этого была бы *истиннее* (курсив мой Е. Г.) той, которая пишется мужчинами. Впоследствии ученые переходят к пониманию относительности и истины и знания, в том числе и феминистского (Доп. А. А. Темкиной). Считается, что социологии следует быть более «включающей», а не «*исключающей*» [22, с. 110]. Одна из теоретиков этого направления Д. Смит, размышляя о позиционировании знания, указывает, что классическое гендерное знание является гендерно нечувствительным, т. к. исключает из своего анализа конкретный, телесно воплощенный опыт женщин. Во избежание этого в гендерной теории и социологии в 90-е годы возникает *гиноцентрический подход*, который, по выражению его автора, возвращает женский субъект в социологию [30, с. 29–63]. В рамках этого подхода делается попытка реконструкции в организации современного социологического знания и постулируются новые способы включения конкретных опытов в социологическую теорию [22, с. 112]. Если позитивистская социология устраняет чувствующий субъект из процесса познания и признает возможность достижения объективной эмпирической истины, то в рамках гиноцентрического подхода утверждается, что социологические тексты, создающиеся по таким правилам при выключении субъекта, являются нерелевантными для конструирования социологического феномена [Там же, с. 113]. По мнению Д. Смита, социологическая теория должна дискурсивно соединить пишущего и читающего, поместив теорию в контекст повседневного опыта [29]. И. Н. Тартаковская считает также, что при таком включении субъекта гораздо больше точек зрения станет доступно публичному социологическому дискурсу. Позиционный подход открыто провозглашает тезис о том, что любое знание неизбежно производится с определенных позиций, и «...женская позиция производит иное знание, отличное от квази-объективного, то есть мужского осмысления мира» [22, с. 113]. При этом в описываемом подходе используются те же конвенции, которые конституировали социологию как науку, как полагает И. Н. Тартаковская.

А российские исследовательницы Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в учебном пособии по социологии гендерных отношений подробно описывают основные положения так называемой *объединительной (структурно-конструктивистской) парадигмы* в гендерных исследованиях как критической рефлексии и стремления преодоления дихотомии структурно-функционального и социально-конструктивистского подходов в социальной теории [12]. По их мнению, «...применение объединительной парадигмы в гендерных исследованиях связано с вниманием к взаимообусловленности структур и практик, формирующих гендерный порядок в обществе. Институционально обусловленная ситуация взаимодействия всегда предполагает гендерное измерение, т. е. правила социального организованного различия полов – правила мужественности и женственности» [12, с. 87]. В рамках этого подхода, настаивая на концептуализации подвижных и гибких элементов взаимодействия структур и практик, Р. Коннелл вводит понятие *гендерной композиции*, обозначающее совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих различие полов и отношения между полами. По мнению Коннелла, гендерная композиция складывается как мозаика разнообразных стратегий в конкретных исторических контекстах социального взаимодействия [27]. Гендерная композиция, как полагает Коннелл, «...может стать понятием, способствующим преодолению методологического разрыва между *структурным* и *практическим* уровнем концептуализации общества. Этот термин призван связать анализ институционально объективно заданных условий социального действия и повседневных практик действующих лиц» [там же]. В рамках объединительной парадигмы претерпевает изменение и понятие *гендерной системы*, которое постепенно всё больше рассматриваются не только на макро, но и на микроуровне, не только на уровне структур, но и на уровне практик. Таким образом, гендерная система понимается как многоуровневый феномен, включающий символы-репрезентации мужественности и женственности; нормативные концепции (религиозные, правовые, образовательные, научные), которые создают интерпретации значений символов; социальные институты и организации, регулирующие поведение; субъективную идентичность. Посредством этих социальных механизмов мужчины и женщины разделяются на две социальные категории, обозначающие асимметричные отношения [20; 12].

Ряд ученых, работающих в этом направлении, также признают, что, говоря о гендерной социологии, скорее можно говорить об особой методологии, «...чем о гендерной социологии, выделение которой достаточно условно в структуре социологического знания» [24, с. 3]. Так, Г. Г. Силласте относит гендерную социологию к частной социологической теории, которая призвана изучать «...процессы развития и социального взаимодействия мужской и женской общностей, анализирует эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом культурных традиций и стереотипов, а также рассматривает влияние биопсихологических общностей пола на поведение и сознание мужской и женской частей общества» [24, с. 7]. Её объектом являются мужчины и женщины как две социально-демографические группы, которые различаются по статусно-ролевым отношениям, а также по ряду поведенческих и когнитивных характеристик, а её предметом становится изучение социального статуса мужчин и женщин в обществе и его эволюция под влиянием ряда исторических, политических и духовных факторов. К важнейшим функциям гендерной социологии относятся *информационная, прикладная, мировоззренческая, управленческая и прогностическая*. Методологическую базу этого направления составляет диалектический подход к изучению социального взаимодействия двух гендерных общностей (мужской и женской) друг с другом и с социальным окружением [24, с. 7–8].

Однако, несмотря на популярность всей гендерной тематики, многие исследователи полагают, что на настоящий момент своевременно говорить о кризисе понятия «гендер», которое подвергается острой критике как по причине теоретической неадекватности, так и в силу его политической аморфности и неопределенности [4, с. 224–225]. На постсоветском пространстве этот кризис ещё больше усугубляет и резко возросшее количество непрофессиональных публикаций, и прямолинейная интерпретация понятия «гендер», и чрезмерное усиление активистского движения, которое приводит к неподкреплённости голословных утверждений о «...гендере как первичном средстве означивания власти» [22, с. 157] конкретными результатами и данными научного анализа.

Ряд исследователей разделяет также сложности в становлении и развитии гендерной проблематики на два аспекта: организационный и научный [13, с. 5–8]. Так, к организационным причинам относятся отсутствие профессиональных сообществ ученых-гендерологов, разрозненность исследователей и исследовательских групп, недоступность или ограниченность доступа к научным и печатным ресурсам, что сейчас отчасти снимается распространением ИТ – технологий, включая Интернет, где гендерные ресурсы, особенно в англоязычном секторе сети, представлены достаточно мощно [8].

К научным трудностям, препятствующим развитию этого направления, относится, прежде всего, высокая «междисциплинарность» этой области научного знания, которая не способствует «углублению» понятийного аппарата гендерных исследований в конкретных научных направлениях и дисциплинах. И сейчас мы можем наблюдать кризис разработки методологической и понятийной базы, а недостаточная разработанность терминологии и понятийного аппарата приводит, в свою очередь, к низкому качеству переводов в этой области и возникновению, по выражению А. В. Кирилиной, терминологических окказионализмов, что также ослабляет процесс институализации нового научного направления [13 – 16].

Также «... признание пола социокультурным конструктивистским феноменом, отказ от биодетерминизма и эссенциализма неизбежно влекут и признание его конвенциональности, а это требует разработки специальных методик» [13, с. 7]. Разработка этих исследовательских методик уже требует большого количества как времени, так и объема финансовых и иных ресурсов.

Однако, отнюдь не отрицая того факта, что гендерная проблематика имеет свою специфику развития именно на постсоветском пространстве, нельзя не отметить, что чисто феминистский (идеологизированный) подход не может ещё превалировать тут в силу ряда конкретных обстоятельств:

- отсутствие серьезного феминистского дискурса (этому отчасти способствовало политическое и социальное положение женщин в СССР и постоянно провозглашаемый лозунг о равенстве полов);
- «усталость» и желание освободиться от влияния любого политического (после марксистского) подхода в гуманитарном знании в целом;
- отсутствие как в Российской империи, так и в бывшем Советском Союзе эротизации культуры, направленность государственной политики на ослабление восприятия женщины лишь с точки зрения её репродуктивной функции или сексуальной привлекательности [15, с. 63];
- меньшая значимость категории «пол» для постсоветской культуры и гуманитарной мысли в отличие от западной [28, с. 62–65; 14]. Может быть, корректнее говорить, как полагает А. В. Кирилина, об отсутствии соответствующей дискурсивной практики, а не интереса к изучению категории пола. В основе изучения всех проявлений пола лежит форма как личностного, так и дискурсивного опыта. Выделение пола в качестве специального предмета обсуждения не было свойственно, например, русской гуманитарной мысли (об этом косвенно свидетельствует и практическое отсутствие научных публикаций по этой теме во времена Советского Союза и царской России). Ещё М. Фуко говорил о том, что проблематика, связанная с полом, имеет в Западной культуре сильные корни и предстает как историческая совокупность знаний, институций и практик, которые устанавливают обязательную систему правил, границы и пределы [15, с. 64]. На постсоветской почве это столь глубоко не проявилось и не закрепились.

Применительно к гендерной социологии в плане методологии существует также ряд «слабых» мест (психологически сложных для исследователей):

Например, ни один из объектов социологии не внедрен в сознание исследователя так глубоко, как гендер [22, с. 16]. Даже по результатам экспериментов социальных психологов первая идентификация индивидом незнакомой толпы идет по половой принадлежности, а уже потом вычленяется расовая, этническая и любая другая принадлежность составляющих эту толпу индивидов [3]. При этом любой социолог, работающий в области гендерных отношений, например, изучающий брачно-семейные проблемы, может вполне хорошо знать свой предмет ещё до начала изучения и находиться как бы в ситуации включенного наблюдения. Очень сложно преодолеть уже укрепившиеся в голове предрассудки и стереотипы и подойти непредвзято к этой сфере жизни. Социолог, занимающийся гендерной проблематикой, этой же проблематикой сильно связан, поэтому сложно выработать непредвзятый ценностно-объективный подход. «Как гражданин, принадлежащий к конкретному обществу, он привык расценивать определенные формы поведения как социальные проблемы. И это часто не позволяет ему/ей видеть за ними собственно социологические проблемы. Так, например, проводятся исследования, посвященные причинам разводов, но мало кто задается предварительно более глобальным вопросом: почему люди заключают браки и предпочитают жить вместе ... Поэтому исследователю, обращающемуся к теме гендерных отношений, надо очень четко себе представлять, во-первых, свое «местоположение» (*standpoint*), т. е. с каких теоретических, методологических, идеологических позиций он собирается анализировать свой предмет, во-вторых, представлять себе, что любая из этих позиций является ограниченной, и полученное знание также с необходимостью будет ограниченным» [22, с. 117].

Кроме того, основные гендерные категории *мужчины* и *женщины* являются самыми крупными из возможных стратификационных категорий, при помощи которых упорядочивается социальная реальность и изучается общество. И делать какие бы то ни было обобщения, пользуясь только этими понятиями, как считает И. Н. Тартаковская, затруднительно. Эти категории неразрывно переплетены с классовыми, расовыми, сексуальными, возрастными и многими другими стратификационными переменными, что заставляет социологов быть чрезвычайно внимательными и чувствительными к нюансам гендерной идентичности и специфическому социокультурному контексту выполняемого социологического исследования [там же].

Необходимо заметить, что гендерная теория находится в сложных концептуальных отношениях с ведущими и наиболее влиятельными социологическими теориями. Это приводит к некоторой её эксклюзивности или к иск-

лчению «гендерного исследовательского сообщества» из центральных элементов академических структур и научного дискурса [2, с. 216–226] или, в лучшем случае, приводит к маргинализации этого профессионального сообщества. Поэтому перед его членами «... встают еще и определенные институциональные проблемы, а также проблемы собственной профессиональной идентичности: следует ли им ориентироваться на нормы и ценности традиционного академизма или вырабатывать свои собственные?» [22, с. 18].

А. А. Темкина и Е. А. Здравомыслова полагают, что социология на постсоветском пространстве находится в стадии включения гендерного подхода в теорию, методологию и в эмпирические исследования [12, с. 15]. И этот подход развивается в атмосфере интеллектуального климата эссенциализма и биодетерминизма, который пришел на смену советскому общественному дискурсу о социальном равенстве полов. Гендерные исследования в социологии противоречат этому постсоветскому академическому дискурсу, в рамках которого превалирует, с одной стороны, скептическое отношение к гендерной проблематике (которое отчасти оправдано), а с другой, считается, что этот подход подрывает базовые семейные ценности [12, с. 22]. Однако, по их мнению, существует и ещё одна тенденция: социология гендера в контексте постмодернизма «...существует в пространстве, которое подрывает её основания и одновременно обогащает методологию, тематику и методы исследования. Постмодернизм ставит под сомнение социологию как автономную область научного знания...» [там же]. Он заставляет социолога пересматривать основания своей собственной дисциплины, отказавшись от строгой дисциплинарности, т. к. для анализа гендерных отношений необходимо использовать более широкий спектр социального и гуманитарного знания. По мнению этих исследовательниц, гендерный подход должен развиваться как феминистская критика основных направлений социологии.

При этом не следует также забывать, что практически весь гендерный инструментальный и понятийный аппарат гендерной теории, как междисциплинарного направления, так и применительно к конкретным дисциплинам (в т. ч. и к социологии), был разработан не в СССР и не на постсоветском академическом пространстве, а на основании другой социальной реальности и другого культурно-исторического контекста, и простая экстраполяция гендерных методик и теорий без учета контекста ставит под сомнение эффективность её работы на другом пространстве и приводит к ряду ощутимых проблем, серьезно дискредитирующих всё направление...

В заключение заметим, что любая область научного знания не состоится, если будет отсутствовать хотя бы одно из перечисленных ниже условий:

- «...конкретизировано место этой области знания в рамках уже сложившихся научных дисциплин;
- определен её предмет и система основных понятий;
- определена базовая методология научного познания;
- сформирован инструментальный аппарат, т. е. методы теоретических и эмпирических исследований;
- сформулирована система основных задач и направлений, развиваемой области научного знания» [16, с. 382].

По проведенному краткому теоретическому обзору становится понятно, что гендерная социология на постсоветском пространстве находится только в стадии становления, т. к. из перечисленных выше четырех составляющих, базовая методология и инструментальный всё ещё находятся в стадии формирования.

Не до конца ясно решены вопросы, что же такое гендерные исследования в социологии – методология или частная социологическая теория, и до какой степени можно трактовать понятие междисциплинарности гендерной проблематики применительно к социологии? Не приведет ли такая ситуация к потере научной самостоятельности социологического знания? И не повлияет ли в целом ли "странность" нынешней ситуации с гендерными исследованиями с "...постоянным прерыванием ассоциативных связей, принадлежащих культуре, отсылающих нас к мужскому или к женскому, к неопределенности всей гендерной науки и гендера как такового, которого уже нельзя осмыслить через привязку к социальным или биологическим функциям. Не время ли задуматься об опасностях, связанных с *нерасчлененностью* женского и мужского? Ведь ничто сегодня не имеет столь неопределенных границ, как пол... стремительное смещение смыслов, метафор и символов, формирующее представление о гендере, приводит к исчезновению не то что теоретической, а жизненной почвы» [1].

Для дальнейшего развития этого направления необходимы масштабные социальные исследования, охватывающие различные аспекты гендерных отношений как многоуровневого феномена.

Также требуется сформулировать основные задачи и конкретизировать направления развития гендерной социологии. Всё вышесказанное способствовало бы более эффективной институализации гендерной проблематики в рамках социологического знания на всём постсоветском пространстве, а также удачного вписывания гендерного подхода в рамки уже существующего социологического знания и теорий.

Автор выражает глубокую признательность декану факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт–Петербурге А. А. Темкиной за критическое прочтение рукописи и ряд принципиальных замечаний по тексту.

Источники и литература

1. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Polity Press. – 1987. – С. 116–117.
2. Goroshko O. Netting Gender // Henrike Schmidt, Katy Teubener, Natalja Konradova (Eds.) (2006): Control + Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt. – P.14–30.
3. Intersectionality Интернет–публикация (<http://en.wikipedia.org/wiki/Intersectionality>), 2006. Проверено 24.10.2006г.
4. Smith D. Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy // Feminism and Sociological Theory. – 1989. – vol. 4. – N1. – P.29–63
5. Балла О. Испытаем гендер на прочность. Интернет–публикация (http://exlibris.ng.ru/koncept/2005-06-23/5_gender.html), 2005. Проверено 14.07.2006г.
6. Барчунова Т. А. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей // Преодоление. – Новосибирск: Сибноцентр, 2000. – С.216–226.
7. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: ПРАЙМ–ЕВРОЗНАК, 2002. – 320с.
8. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы под ред. Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной. – СПб.: Буланин, 2000. – С. 224–225.
9. Введение в гендерные исследования / Под общ. ред. И. В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.
10. Введение в гендерные исследования. / Под общ. ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – Ч.1. – 708 с.
11. Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной.– М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001, – с.13–106.
12. Горошко Е. И. Гендерное пространство Интернета: анализ мужских и женских сайтов или анализ наших гендерных стереотипов // Ученые записки Таврического Национального Университета им. В. И. Вернадского. Серия “Философия. Социология”. – Симферополь, 2005. – Т. 18 (57). – №2. – с. 58–64.
13. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Исследование женщин и гендерные исследования в России и на Западе // Социологический журнал. – 1999. – №6. – С.177–185.
14. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. – 1998. – №3/4. – С. 177–182.
15. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. – 2000. – №11. – С.15–24.
16. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Структурно–конструктивистский подход в гендерных исследованиях // Социология гендерных отношений. Учебное пособие для студентов вузов / Под ред Саралиевой – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 80–98.
17. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.
18. Кирилина А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М.: МГЛУ. – 2002. – С. 5–13.
19. Кирилина А. В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, Иваново, 25–26 июня 2002 г.: В 2 ч. – Ч. II. История, социология, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун–т, 2002 – С. 238–242.
20. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.
21. Основи теорії гендеру: Навчальний посібник. – К.: “К.І.С.”, 2004.– 536 с.
22. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Д. Буланин, 2000. – с. 91–96.
23. Силласте Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социологические исследования. – 2000. – №11. – С. 5–15.
24. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. – 2000. – №5. – С. 157.
25. Слышкин Г. Г. Гендерная терминология в русском языковом сознании (на материале русскоязычных СМИ 1997–2004 гг.) // Тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности». – М.: ИЯ РАН. – 2006. – С. 272–273.
26. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – 368 с.
27. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной.– М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.
28. Тощенко Ж. Т. Новые горизонты социологического знания // Социологические исследования. – 2000. – №11. – С. 3–4.
29. Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований», М: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 368 с.
30. Шабурова О. В. Гендер // Современный философский словарь /Под общ. ред. В. Е. Кемерова. – Лондон–Минск: Панпринт, 1998. – С. 177–180.